Кеншин возвращался домой после весьма изматывающего задания. Он и так нечасто выходил в поле, а потому слегка задеревенел, а тут еще и миссия на целые сутки. Вдобавок вызвали посреди ночи. Только и успел, что оставить записку на новом столе сына в его комнате. Тот, кажется, даже не заметил прибавления нового предмета мебели, игнорируя его уже несколько дней. Видимо, слишком уставал из-за учебы. Не сказать чтобы это не устраивало Кеншина.

Сама по себе миссия не была особенно сложной. Скорее уж масштабной. Одна из учебных команд во время выполнения простенькой миссии ранга С неподалеку от столицы наткнулась на группу сильных нукенинов. Капитан отряда остался отвлечь внимание опасных отступников, дав генинам время отступить, и смог продержаться до подхода подкрепления. Кроме того, умудрился выяснить цели преступников.

Оказалось, они хотели устроить ни много ни мало, а революцию в стране Огня – убить дайме, поднять крестьян на восстание и захватить власть. Самое страшное – у них вполне могло получиться. Двое из семерых террористов были выходцами из знатных кланов страны и могли рассчитывать на поддержку в случае успешного выполнения первых пунктов своего безумного плана. Да и не слабаками эти двое были – по силам вполне себе средние чунины. Остальные пятеро вообще тянули как минимум на токубецу-джонинов. До элитных не дотягивали, но вместе могли заставить выкладываться на полную многих сильных противников. Особенно если дать им время на подготовку.

Чтобы нейтрализовать нукенинов прежде чем они успеют навредить, Хокаге мобилизировал всех свободных от защиты деревни и заданий сенсоров, усилил их боевиками и отправил прочесывать окрестности главного города страны. Естественно, великие кланы вроде Хьюга и Учиха тоже приняли участие в облаве.

Сам Кеншин только искал почуявших неладное отступников и не вступал в бой, но все равно был сильно вымотан. Длительное использование глаз на большой дистанции после такого большого перерыва оказалось до неприятного истощающим. Однако в конце концов бунтарей удалось засечь, окружить и схватить, что не могло не вызывать чувство облегчения. Если бы у террористов получилось исполнить задуманное, страна была бы втянута в гражданскую войну, в которой ниндзя Конохи тоже пришлось бы принять участие, как бы им ни хотелось остаться в стороне.

Прогулочным шагом идя к клановому кварталу по петляющим улочкам деревни, Кеншин, помимо размышлений о закончившейся миссии, думал о своем сыне, оставшемся дома. Почти восемь лет он был лишь пустой оболочкой, ходячим напоминанием о неприятном прошлом, о войне, о совершенных ошибках. Но недавно все изменилось, словно кто-то ворвался в его жизнь и перевернул ее с ног на голову. Старейшина объяснил, как такое могло произойти, и мужчина даже смог заметить то самое место прорыва – несколько каналов в области шеи и головы были существенно шире, чем у обычного шиноби. Кроме того, стенки этих каналов были толще положенного. Сэберо позже предположил, что именно с этой аномалией связана неспособность Джуничи активировать Бьякуган – ведь до этого отрезка его система циркуляции чакры была развита намного хуже. Поэтому поток чакры, достигая широкого участка, терял набранные интенсивность и плотность, и его было недостаточно для активации. Впрочем, мастер-медик допускал и то, что в мальчике попросту недостаточно сильна кровь Хьюга.

Кеншин сам не заметил, как уже дошел до нужного квартала, огороженного высокой стеной со множеством печатей. Кроме того, территория постоянно патрулировалась шиноби. Кому-то могло бы показаться такое чрезмерным, но Хьюга всегда ревностно хранили свои секреты, особенно после инцидента с похищенной дочерью главы клана, произошедшего несколько лет назад и стоившего жизни его брату.

На входе, как обычно, стояла пара шиноби побочной ветви. Если покопаться в генеалогическом дереве клана и архивах, то почти наверняка выяснится, что они приходятся ему кузенами по линии деда. Могли бы оказаться и более близкими родственниками, будь у его собственного отца братья или сестры – в клане почти все так или иначе связаны кровными узами друг с другом, редко когда в него вводят свежую кровь. Вновь вспомнился сын.

– Здравствуйте, Кеншин-сан, – поприветствовал его один из охранников. Ответив ему кивком головы, Хьюга прошествовал дальше и постарался выбросить из головы ненужные сейчас мысли.

В клане не приветствуются открытые проявления эмоций… И в этом его сын тоже совсем не похож на настоящего Хьюга, с детства привыкшего полностью контролировать себя. Вот уже больше недели Кеншин наблюдал за прогрессом своего сына и не переставал удивляться. Эмоции, скрываемые под давно ставшей привычной маской спокойного безразличия, были противоречивыми и создавали изрядную путаницу в мыслях.

С одной стороны, Джуничи был, несомненно, талантлив: он схватывал все на лету, и уже вполне сносно читал простые тексты. К иероглифам он, конечно, еще не приступал, но большей части необходимого мальчик сможет научиться в ближайшее время, а дальше уже с возрастом и появлением потребности изучит остальное. Содержимое текстов сын тоже усваивал быстро – Кеншин без труда обнаружил его простенький тайничок с какими-то корявыми записями, в которых с удивлением обнаружил весьма недурно составленный план физических тренировок. На уровне ребенка, разумеется – многое все же было не учтено. Тот же уровень собственного развития Джуничи, например. Хотя какому-нибудь сироте его возраста эти тренировки неплохо бы помогли.

Тем не менее был у Джуничи и огромный недостаток. По крайней мере по меркам Хьюга – парень совсем не мог скрывать собственных эмоций. Не мог или не видел в этом смысла. Поначалу мальчик и с Кеншином вел себя весьма замкнуто, отвечал на вопросы продуманно и осторожно. Однако со временем перестал так делать. То и дело он тяжело вздыхал, сопел, заглядывался на потолок – одним словом, вел себя, как обычный ребенок, а не как представитель гордого клана Хьюга. И Кеншин не знал, как к этому относиться и что делать. Между тем впереди показалась ограда его дома. Большинство членов клана жили большими семьями в немаленьких особняках с приличными прилегающими территориями. У главной ветви даже был собственный небольшой полигон для отработки площадных или слишком мощных техник.

Отец и дед Кеншина не оставили других потомков, что дожили бы до сего дня, потому они с сыном жили вдвоем. Конечно, была еще неслышная и невидимая прислуга из приближенных к клану не-ниндзя. Эти люди проводили уборку и приносили еду, следили за территорией. Но все равно дом чувствовался каким-то пустым. Сейчас, когда Джуничи стал осмысленнее себя

вести, пустота чуть отступила, но порой мужчина чувствовал себя одиноко. Он так и не смог завести нормальную семью после того случая больше семи лет назад.

Поместье с прилегающей территорией сада было огорожено забором, но не имело каких-либо ворот либо калиток – войти можно было через увитую виноградной лозой арку. В таком виде поместье оставил еще дед, и Кеншин не видел смысла что-то менять. Разве что поглощающие шум и поддерживающие приятную температуру печати установил в стенах, да простенький охранный барьер в ограде. Пройдя под аркой и сделав несколько шагов по мощеной тропинке, мужчина почувствовал что-то неладное. Чуткий слух ниндзя уловил едва слышимые всхлипывания откуда-то со стороны дома. Детский плач. Джуничи никогда еще не плакал – ни до, ни после прорыва чакры.

Кеншин сам не понял, откуда в почти полностью истощенном источнике нашлись крохи чакры на то, чтобы активировать бьякуган и воспользоваться шуншином, да и некогда ему было об этом думать. За несколько секунд оказавшись на веранде, он окинул ее быстрым, но внимательным взглядом.

Сын лежал, сжавшись в скулящий мокрый комочек, и дрожал всем телом. Чувствуя, как нарастает напряжение, шиноби постарался максимально точно определить состояние сына. Он никогда не был силен в медицинских ниндзютсу, но столько лет работая помощником лучшего мастера клана, уж ирьенином-то хотя бы С ранга точно станешь.

Разрывы мышц, сильное чакроистощение, озноб, истощение нервной системы… Чем таким надо было заниматься семилетнему ребенку, чтобы так измотать и измучить себя? Кеншин дезактивировал Бьякуган и применил простейшее медицинское дзютсу Мистической Руки. От ладоней начал исходить мягкий салатовый свет.

Приблизившись к сыну, присел рядом, приобнял, одновременно запуская в тельце ребенка целительную чакру. Дернулся, когда тот в ответ на поглаживания вцепился в одежду и тоже обнял его, но сохранил сосредоточенность и продолжил аккуратно водить рукой.

– Сын… Что случилось? – спросил он осторожно, стараясь не допустить дрожи в голосе. После суток активного использования глаз чакры почти не оставалось. В ответ плечи Джуничи только сильнее затряслись. Кеншин внутренне чертыхнулся – только ему показалось, что мальчик успокоился. Впрочем, новый приступ плача быстро иссяк – видимо, ребенок уже успел наплакаться.

– Отец… Почему я такой слабый? – услышал он тихий дрожащий голос сына. Следующие слова заставили мужчину вздрогнуть и на мгновение потерять концентрацию. Свечение пропало, навалилась усталость. – Это из-за мамы, да? Из-за нее я такой слабый… Это не исправить… Неужели моя судьба была предрешена еще до рождения? Беспомощный, хилый, безвольный…

Плечи мальчика вновь затряслись, но через пару минут он вновь успокоился. Кеншин почувствовал, как его дыхание успокаивается – ребенок заснул.

Аккуратно подняв его на руки, мужчина направился к комнате сына, где уложил его на футон и прикрыл тонким одеялом. После вышел и направился к дому старейшины Сэберо. Еще нет полуночи, да и несколько членов клана получили ранения во время выполнения миссии по преследованию, так что он еще не должен спать. Нужно обсудить несколько важных вещей.

http://tl.rulate.ru/book/51566/1302244